

ЧТО АНГЛИЧАНАМ — УЖАС, ТО РУССКИМ — НЕ ВПЕРВОЙ

На днях в Москву завезли “товар”, за которым приехали аж из Англии. Дефицит, возбуждавший всеобщий интерес, назывался “Иванов” — ранняя пьеса Чехова в постановке английского режиссера Джонатана Кента (в новой редакции Дейвида Хейра).

Весть об уникальной постановке распространилась с поразительной скоростью, подтвердив одно: “почта” театралов надежнее и круче цыганской. Во всяком случае, билеты на спектакль раскупили в один день и без всякой рекламы, причем первыми разошлись самые дорогие на лучшие места. Спекули взвинтили цены до 500 тысяч в партер.

Кроме того, “Иванов” — пожалуй, первая иностранная театральная постановка, на которую клюнула публика не театральная, а охочая больше до кинозвезд. То есть до того самого “английского пациента” Ральфа Файнза, отхватившего недавно “Оскара”. Они-то и отличились в Малом театре дурным поведением: вопреки интеллигентным просьбам организаторов то и дело щелкали вспышками своих дешевых “мыльниц”, чтобы запечатлеть душу Файнза. Хотя Файнз на сцене был совсем не душкой.

Его Иванов — небритый, с растрепанными волосами — был раздражен, мрачен, метался по сцене, как тяжело раненный зверь, конец которого был ясен ему до мо-

мента, как его подстрелили. Мучимый пустотой собственного существования, он был отвратителен сам себе, но, похоже, его мрачно-агрессивная манера игры не смуща-

ла фанаток. Когда он жестоко бросает в лице нелюбимой жене Саре:

— Жидовка; жидовка (пауза). Ты скоро умрешь...

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

Джастин Уодделл (Саша)
и Билл Патерсон (Лебедев).

В этом месте, надо заметить, разница в менталитетах русской и английской публики обнаруживается со всей очевидностью. В наших театрах на этих словах зритель индифферентен, очевидно, по привычке к непisanому российскому закону “бей жидов, спасай...”. Англичане же на этих словах в голос ахают, и их массовый “ах” гулким эхом прокатывается по залу. Правда, Иннокентий Смоктуновский не мог произносить приятные для всякого антисемита слова и в этой страшной мизансцене оставлял только: “Ты скоро умрешь”.

— А вам не страшно говорить эту реплику? — спросили Файнза.

— Когда припрет, из человека такое г...но полезет, — признался он и вполне убедительно это сыграл. Как сказал кинорежиссер, он мечтает сделать две роли в чеховских пьесах — Тригорина в “Чайке” и учителя Кулыгина в “Трех сестрах”.

Кажется, даже слепым фанатам, а уж тем более заправским театралам, на английском спектакле стало ясно, что рядом с Файнзом работает потрясающая команда артистов — Оливер Форд Дэйвис (Шабельский), Дайан Булл (Бабакина), Харриет Уолтер (Сара), Энтони О’Доннелл (Боркин), Билл Патерсон (Лебедев), Джастин Уодделл (Саша). Все исполнители, включая статистов, показали высокий класс игры, отличающийся невероятной свободой и легкостью. Настолько свободно, что кое-кто предположил, будто именно так Чехова играли при Станиславском — искренне и просто. Режиссер Джонатан Кент — не Станиславский, но он сумел так выстроить спектакль, что зритель не был замучен классической тоской русской действительности, а, скорее всего, ощущал себя в седле лошади, на большой скорости мчащейся куда-то в неизведанное.

Марина РАЙКИНА.

Фрацунъ Радкыфъ

25.04.94.

88